

Часть первая

ВОЙНА И ИСХОД

I

1938

И снова, юноши,
готовьтесь убивать,
и умирать, и землю устилать
кровавыми цветами.

*Пабло Неруда,
«Кровавой сделалась земля людей»,
из книги «Море и колокола»*

Солдатик был из «детского» призыва, названного так, поскольку среди населения ни юношей, ни взрослых мужчин уже не оставалось, и для Виктора Далмау этот мальчишка ничем не отличался от прочих раненых, которых выносили из товарного вагона и складывали, словно дрова, прямо на цементный пол Северного вокзала; следовало торопиться, вот-вот должны были подойти машины, и всех раненых предстояло развезти по госпиталям Восточной армии. Однако Виктор действовал неторопливо; на лице его застыло выражение человека, повидавшего столько, что уже ничто не могло его тронуть. Кто знает, сколько еще раз придется ему перекладывать раненых с носилок на носилки, пока поезд тащится от одной станции до другой, от одной медицинской палатки до другой, прежде чем дойдет наконец до Каталонии. На вокзале врачи и их помощники незамедлительно направляли тяжелораненых в больницы, а остальных классифицировали по характеру ранения: А — в руку, Б — в ногу, В — в голову и далее по алфавиту, чтобы затем определить в соответствующие пункты назначения, и каждому вешали на шею табличку

У кромки моря узкий лепесток

с именем и фамилией. Раненые прибывали сотнями; на постановку диагноза и решение вопроса о том, что необходимо предпринять в том или ином случае, отводилось лишь несколько минут, однако показаться, что кругом царит неразбериха и хаос, могло только на первый взгляд. Ни одного человека не забыли и не потеряли. Тех, кому требовалась операция, отправляли в госпиталь Сант-Андреу в Манресе, кто нуждался в лечении — в иные медицинские учреждения, а кого-то оставляли здесь же, потому что их уже не спасти. Санитарки из числа добровольцев смачивали им губы, что-то нашептывали, словно убаюкивая, и каждая надеялась, что где-то в другом месте какая-то женщина точно так же поддержит ее мужа или брата. А потом появлялись носильщики и перетаскивали тела умерших туда, где складировали трупы.

У солдатика в груди зияла дыра; бегло осмотрев раненого и едва нащупав у него пульс, врач решил, что тому больше уже ничто не потребуется — ни морфий, ни утешение. Рана на его лбу была обмотана лоскутом ткани и прикрыта перевернутым блюдцем из латуни, видимо в качестве защиты, чтобы не задела, а грудь забинтована, однако сколько со времени этой перевязки прошло часов или дней, а может, и поездов, — кто знает.

Работа Далмау состояла в том, чтобы выполнять поручения врачей; он был обязан подчиниться приказу — оставить мальчика и заняться следующим раненым, но Виктор подумал, что если парень пережил шок после такой травмы, не умер от кровопотери и сумел добраться до этого вокзального перрона, то он, по всей вероятности, обладает огромной волей к жизни, и будет очень жаль, если он сдастся смерти в последний момент. Виктор осторожно отодвинул бинты и с удивлением обна-

Часть первая. Война и исход

ружил под ними на груди мальчика открытую рану, такую чистую, словно нарисованную. Невозможно объяснить, каким образом частицы поломанных ребер и поврежденной грудины не погребли под собой сердце. Гражданская война в Испании шла уже почти три года, и Виктор, впервые попавший в медчасть еще санитаром на фронтах Мадрида и Теруэля, а позже переброшенный в эвакуационный госпиталь в Манресе, полагал, что за это время видел все возможное и невозможное и что у него выработался иммунитет к чужому страданию, однако наблюдать за живым бьющимся сердцем ему прежде не доводилось. Словно замороженный, он смотрел, как его пульсация становилась все медленнее и медленнее, пока оно наконец не замерло совсем и мальчик не испустил дух без единого сто-на. Несколько секунд Далмау неотрывно глядел на красную дыру, внутри которой находилось затихшее сердце. Позднее эти мгновения не раз возвращались к нему в воспоминаниях о войне, повторяясь снова и снова: безбородый мальчишка пятнадцати-шестнадцати лет, весь в грязи и запекшейся крови, лежит на соломенной подстилке, и в открытой ране у него на груди видно его сердце. Виктор так никогда и не смог объяснить себе, почему в тот миг он просунул три пальца правой руки в ужасную рану, обхватил замершее сердце ладонью и несколько раз ритмично сжал его, спокойно и уверенно, как никогда не смог вспомнить, сколько прошло времени — полминуты или вечность, прежде чем он вдруг почувствовал, что сердце мальчика ожило под его пальцами: сначала едва ощутимо дрогнуло, а потом забилося сильно и ритмично.

— Парень, если бы я не видел собственными глазами... ни за что бы не поверил, что такое возможно, — потрясенно произнес один из врачей; он

У кромки моря узкий лепесток

стоял рядом с Виктором, но тот даже не заметил, когда именно подошел доктор.

Врач крикнул санитарам, чтобы принесли носилки, и распорядился немедленно доставить юного солдата в медпункт, поскольку это был совершенно особенный случай.

— Где вы этому научились? — спросил он Далмау, как только санитары погрузили солдатика на носилки; лицо у того было землистого цвета, но пульс прослушивался.

Будучи человеком немногословным, Виктор Далмау в двух фразах объяснил, что, прежде чем попасть на фронт санитаром, он три года изучал медицинские науки в Барселоне.

— Где вы этому научились? — повторил свой вопрос доктор.

— Нигде, просто я подумал, что все равно уже нечего терять...

— Я смотрю, вы хромаете.

— Левое бедро. В Теруэле. Сейчас уже зажило.

— Ладно. С этой минуты будете работать со мной. Здесь вы только теряете время. Как вас зовут?

— Виктор Далмау, товарищ.

— Никаких товарищей. Зовите меня «доктор», и не вздумайте мне тыкать. Договорились?

— Договорились. Но и от вас прошу того же. И называйте меня сеньор Далмау, для остальных товарищей это будет потрясением.

Врач чуть улыбнулся. На следующий день Виктор начал работать в стационаре, что и определило его судьбу.

Вскоре вместе с остальным персоналом госпиталя Сант-Андреу и других госпиталей он узнал, что группа хирургов за шестнадцать часов воскресила юного мертвеца и из операционной его вывез-

Часть первая. Война и исход

ли живым. «Случилось чудо», — считали многие. «Достижения науки и лошадиное здоровье парня», — парировали те, кто не слишком уповал на Господа Бога со всеми его святыми. Виктор собирался навестить солдатика, однако в окружающей суете это оказалось невозможно, а потом он устал вести счет встречам и расставаниям с теми, кто был рядом, и теми, кто навсегда исчезал из поля его зрения, и живым, и мертвым. На какое-то время ему показалось, он позабыл о том, как у него в руке билось живое сердце: жизнь стала слишком сложной, порой невыносимой, столько проблем требовало срочного решения, но годы спустя, когда Виктор уже жил на противоположной стороне земли, он часто видел того мальчика в ночных кошмарах. В этих снах солдатик являлся ему бледный и печальный, а его переставшее биться сердце неподвижно лежало на металлическом подносе. Виктор забыл, а может, никогда и не знал имени этого парня, и по очевидным причинам называл его Лазарем. Зато юный солдат никогда не забывал своего спасителя. Едва он немного оправился, смог сидеть и самостоятельно пить воду, ему рассказали о подвиге одного медбрата, некоего Виктора Далмау, который вернул его с того света. Солдатика засыпали вопросами: всем хотелось знать, действительно ли существуют святые Небеса и ад или это выдумали священники, чтобы нагнать на людей страху. Парень выздоровел еще до конца войны, а через два года в Марселе сделал татуировку на груди, как раз под шрамом: «Виктор Далмау».

Молоденькая девушка из ополченцев в лихо надетом набекрень берете — вероятно, для того, чтобы смягчить строгость военной формы, — ждала Виктора у дверей операционной. Когда он

У кромки моря узкий лепесток

вышел, с трехдневной щетиной, в перепачканном кровью халате, — девушка протянула ему сложенный вдвое листок с телефонным сообщением. Далмау много часов провел на ногах, рана на бедре ныла, а урчание в животе напомнило, что он ничего не ел с раннего утра. Он работал как вол, но благодарил судьбу, давшую ему возможность оказаться рядом с лучшими хирургами Испании и учиться у них профессии. При иных обстоятельствах студент вроде него даже приблизиться к ним не мог бы, но в это время ученость и звания значили куда меньше, чем практический опыт, которого у Виктора было хоть отбавляй, как верно рассудил главный врач госпиталя, разрешивший ему ассистировать себе во время операций. Порой Далмау проводил в госпитале по сорок часов без перерыва, поддерживая силы табаком и кофе пополам с цикорием и стараясь не обращать внимания на боль в ноге. Из-за полученного ранения Виктора демобилизовали, и теперь ему приходилось воевать в тылу.

Он вступил в армию Республики в 1936 году, как сделали почти все юноши его возраста, и вместе со своим полком участвовал в битвах за Мадрид, занятый националистами, как называли себя те, кто поднял мятеж против правительства. Виктор вытаскивал раненых и убитых с поля боя, там, с его медицинскими познаниями, он был гораздо полезнее, чем в окопе с винтовкой в руках. Потом его перебросили на другой фронт.

В декабре 1937 года, во время боев за Теруэль, в страшный холод, Виктор Далмау оказывал первую помощь раненым в передвижном медпункте; вел машину по узким дорожкам среди развалин неугомонный баск по имени Айтор Ибарра; он непрестанно либо что-то напевал, либо рассказывал

Часть первая. Война и исход

анекдоты, подшучивая над смертью. Виктор верил в то, что счастливая звезда баска, без единой царапины вышедшего из тысячи передраг, сохранит их обоих. Чтобы не попасть под обстрел, они передвигались по ночам; если ночь выдавалась безлунной, кто-то из санитаров шел впереди с фонарем, показывая Айтору дорогу, если таковая вообще была, в то время как Виктор теми малыми средствами, которые у него имелись под рукой, внутри машины спасал людей при свете другого фонаря. Бросая вызов опасностям и морозам — температура держалась намного ниже нуля, — они пробирались вперед медленно, словно черепаха на льду, то утопая в снегу и толкая машину, чтобы преодолеть сугроб, то вытаскивая ее из ямы, оставшейся от взрыва снаряда, то объезжая торчавшие повсюду куски железа и окаменевшие трупы мулов, и все это — под пулеметным обстрелом очередной банды националистов или под бомбами Легиона Кондор, сбрасывавшего их на бреющем полете. Виктор Далмау, целиком поглощенный спасением раненых, не отвлекаясь ни на что, поддерживал жизнь в людях, на глазах истекавших кровью, переняв свой сумасшедший стоицизм от неунывающего Айтора Ибарры, который преспокойно вел машину вперед, то и дело отпуская шутки.

С передвижного медпункта Виктора перевели в полевой госпиталь, устроенный в одной из пещер недалеко от Теруэля, где врачи оперировали при свечах, керосиновых лампах или при свете пропитанных машинным маслом обрывков веревочного шнура. Сражались с холодом, устанавливая жаровни под операционным столом, но инструменты все равно порой примерзали к рукам. Врачи быстро оперировали тех, кого могли подлатать, прежде чем

У кромки моря узкий лепесток

отправить в городские медицинские центры, зная, однако, что многие умрут по дороге. Тем же, кому уже ничем нельзя было помочь, в ожидании смерти давали морфий, если таковой имелся, всегда очень малыми дозами; точно так же экономили эфир. Когда же и то и другое заканчивалось, Виктор давал тяжелораненым, стонавшим от страшной боли, аспирин, уверяя, что это сильнодействующий американский наркотик. Перевязочный материал стирали с помощью талого снега и льда и снова пускали в дело. Самой ужасной обязанностью в госпитале для Виктора стало сжигание на костре ампутированных рук и ног. Виктор так и не смог привыкнуть к запаху горящей плоти.

Там, в Теруэле, он снова встретил Элизабет Эйденбенц, с которой познакомился на Мадридском фронте, где она на добровольных началах работала в Комитете помощи детям войны. Эта медсестра из Швейцарии, двадцати четырех лет, отличалась лицом Непорочной Девы эпохи Возрождения и храбростью закаленного в боях партизана, и там, в Мадриде, Виктор почувствовал, что почти влюблен в нее, и влюбился бы окончательно, если бы она хоть раз проявила пусть даже самый маленький признак взаимного расположения, но ничто не могло отвлечь эту девушку от ее миссии — облегчать страдания детей в эти тяжелые времена. Еще до знакомства с Виктором, почти сразу после того, как оказалась в Испании, Элизабет утратила изначальную наивность. Она ожесточилась в борьбе с военной бюрократией и тупостью мужчин: все сострадание и нежность она берегла для женщин и детей, вверенных ее заботам. В перерыве между двумя вражескими атаками Виктор столкнулся с ней у грузовика, развозившего съестные припасы.

Часть первая. Война и исход

— Эй, парень, ты меня помнишь? — окликнула его Элизабет на испанском языке, сильно разбавленном гортанными звуками ее родного немецкого.

Виктор не сразу узнал ее, но, увидев, потерял дар речи. Ему показалось, девушка повзрослела и стала еще красивее; оба сели на кусок бетона рядом с кучей строительного мусора, он — покурить, она — глотнуть чаю из фляжки.

— Как дела у твоего друга Айтора? — спросила Элизабет.

— Все так же, всегда под обстрелами и без единой царапины.

— Ничто его не берет. Передавай ему привет.

— Что ты думаешь делать, когда война закончится? — спросил Виктор.

— Отправиться на другую. Где-нибудь всегда идет война. А ты?

— Если ты не против, давай поженимся, — вдруг сказал он, запинаясь от смущения.

Она рассмеялась и на секунду сделалась похожей на нежную барышню старинных времен.

— Не сходи с ума, парень, я не собираюсь выходить замуж ни за тебя, ни за кого другого. У меня нет времени на любовь.

— Вдруг ты когда-нибудь передумаешь? Как считаешь, мы еще увидимся?

— Конечно, если будем живы. Можешь рассчитывать на меня, Виктор. Если тебе понадобится помощь...

— Взаимно. Можно тебя поцеловать?

— Нет.

В пещерах Теруэля Виктор закалил нервы и приобрел медицинские знания, которых ему не дал бы ни один университет. Он пришел к выводу, что при-

У кромки моря узкий лепесток

выкнуть можно почти ко всему: к крови — а крови было так много! — к хирургическим операциям без анестезии, к запаху гангрены, к грязи, к бесконечному потоку раненых солдат, среди которых иногда попадались женщины и дети, к смертельной усталости, разрушавшей волю, и, что самое ужасное, к предательскому подозрению, что все эти жертвы могут оказаться напрасными. Случилось так, что, когда Виктор после очередной бомбежки вытаскивал из развалин раненых и мертвых, его накрыло запоздалым снарядом и перебило ему левое бедро. Его нашел врач-англичанин из Интернациональной бригады. Какой-нибудь другой хирург срочно ампутировал бы ему ногу, но англичанин только что заступил на смену после нескольких часов отдыха. На ломаном английском он отдал распоряжения медсестре и приготовился восстанавливать раздробленную кость.

— Тебе повезло, парень, вчера прибыли поставки из Красного Креста, так что ты сейчас уснешь, — проговорила медсестра, прикладывая к его лицу маску, смоченную эфиром.

Виктор считал, что несчастный случай произошел с ним потому, что в момент обстрела рядом не оказалось Айтора Ибарры с его счастливой звездой, который и доставил своего приятеля после операции к поезду, увозившему раненых в Валенсию. Из-за открытой раны наложить Виктору гипс было нельзя, ногу зафиксировали шинами из досок, привязанных бинтами, укрыли его плюшевым одеялом, но того все равно трясло от холода и лихорадки, а каждый толчок поезда причинял такую боль, словно его пытали. И все-таки Виктор был благодарен судьбе, ведь большинство тех, кто ехал с ним в одном вагоне, находились в еще более тя-

Часть первая. Война и исход

желом состоянии. Айтор отдал ему свои последние сигареты и дозу морфия, порекомендовав использовать его только в случае крайней необходимости.

В Валенсии врачи поздравили Виктора с удачной операцией, проведенной английским хирургом; если не возникнет осложнений, нога будет как новенькая, только чуть короче, чем правая, сказали ему. Как только рана зарубцевалась и он смог держаться на ногах с помощью костыля, его в гипсе переправили в Барселону. Он оставался в доме родителей, проводя нескончаемые шахматные турниры с отцом до тех пор, пока не смог ходить самостоятельно. Тогда он вернулся к работе в городской больнице, принимавшей гражданских пациентов. По сравнению с тем, что ему приходилось испытывать на фронте, такая жизнь походила на отпуск: кругом райская чистота и эффективное лечение. Здесь он пробыл до весны, когда его командировали в госпиталь Сант-Андреу в Манресе. Виктор простился с родителями и с Росер Бругерой, студенткой консерватории, которую когда-то приютили в родительском доме; пока он выздоравливал, то привык к ней как к сестре. Это была скромная и приятная девушка, часами игравшая на пианино; Марсель Льюис и Карме Далмау чрезвычайно нуждались в ее обществе после того, как их собственные дети покинули дом.

Виктор Далмау развернул листок бумаги, протянутый ему девушкой в форме, и прочел сообщение от Карме, его матери. Он не виделся с ней почти два месяца, несмотря на то что госпиталь находился всего в шестидесяти пяти километрах от Барселоны, потому что у него не было ни единого свободного дня, чтобы съездить домой. Раз в не-

У кромки моря узкий лепесток

делю, каждое воскресенье, в одно и то же время Карме звонила ему и тогда же присылала какой-нибудь гостинец: шоколадку из запасов Интернациональных бригад, колбасу или кусок мыла с черного рынка, а иногда и сигареты, которые для нее, заядлой курильщицы, являлись настоящим сокровищем. Иногда сын спрашивал, где она их раздобыла. Табак в то время считался такой ценностью, что вражеские самолеты сбрасывали его на землю наряду с ковригами хлеба из грубой муки, дабы все могли сравнить неувядающее изобилие, царившее в лагере националистов, с тотальным голодом республиканцев.

Записка от матери, посланная в четверг, могла означать только что-то очень срочное: «Буду на телефонной станции. Позвони». Нетрудно сосчитать, что Карме ждала звонка от сына уже около двух часов, — все это время он провел в операционной, пока ему не вручили сообщение. Он спустился в подвал, где находилась администрация госпиталя, и попросил телефонистку соединить его с Барселоной.

Карме взяла трубку и прерывавшимся из-за приступов кашля голосом велела Виктору направляться домой, так как его отцу осталось жить совсем мало.

— Но что произошло? Он же был вполне здоров! — воскликнул Виктор.

— Сердце у него долго не выдержит. Сообщи своему брату, чтобы тоже приехал попрощаться с отцом, он может покинуть нас в любой момент.

Чтобы разыскать Гильема на Мадридском фронте, ушло тридцать часов. Когда их наконец соединили по радиосвязи, брат сквозь треск электрических разрядов и колебания космических волн объяснил ему, что он никак не сможет добыть разрешение

Часть первая. Война и исход

съездить в Барселону. Голос у Гильема был такой далекий и усталый, что Виктор его не узнал.

— Каждый, кто может держать в руках оружие, сейчас необходим на фронте, Виктор, сам знаешь. Фашисты намного превосходят нас и людьми, и оружием, но они не пройдут, — сказал Гильем, повторив знаменитую фразу Долорес Ибаррури¹, которую за способность пробуждать пламенный энтузиазм в сердцах республиканцев люди прозвали *Пассионария*².

Мятежные войска заняли бóльшую часть территории Испании, однако не могли взять Мадрид, отчаянно сражавшийся за каждую улицу, за каждый дом и ставший символом войны. Поговаривали, что на стороне мятежников воюет колониальная армия Марокко с ее устрашающими маврами, а также о том, что огромную помощь националистам оказывают Муссолини и Гитлер, однако сопротивление республиканцев остановило их на подступах к столице.

В начале войны Гильем Далмау оборонял Мадрид в составе Колонны Дуррути³. В те дни обе противоборствующие армии сражались на территории Университетского городка в такой близости друг от друга, что порой их разделяла только ширина улицы; каждый видел противника в лицо и мог осыпать его оскорблениями, даже не особенно повышая голос. Гильем, занявший позицию в одном из университетских зданий, рассказывал, что

---

¹ *Долорес Ибаррури* (1895–1989) — выдающийся деятель международного и рабочего движения Испании.

² *Пассионария* — страстная, пламенная (*исп.*).

³ *Буэнавентура Дуррути* (1896–1936) — общественно-политический деятель Испании в период Гражданской войны 1936–1939 гг., лидер движения анархистов, в начале войны воевавший на стороне Республики.

У кромки моря узкий лепесток

снаряды гаубиц пробили стены факультета философии и литературы, медицинского факультета и Дома Веласкеса; не было никакой возможности укрыться от обстрелов, зато опытным путем он доказал, что спасти от пули могут три тома трудов по философии. Гильему случилось оказаться рядом с легендарным анархистом Буэнавентурой Дуррути в минуту его кончины; тот собрал значительные революционные силы в провинции Арагон, а затем с частью своей Колонны прибыл в Мадрид для поддержки республиканцев. Дуррути был ранен в грудь; в него выстрелили в упор при невыясненных обстоятельствах. Колонну почти полностью уничтожили, погибло более тысячи ополченцев, и среди немногих выживших Гильем оказался чуть ли не единственным, кто даже не был ранен. Два года после этого он сражался на разных фронтах, а потом получил назначение вернуться в Мадрид.

— Отец поймет, если ты не сможешь приехать, Гильем. Мы будем думать, что ты с нами. Приедешь когда сможешь. Даже если ты не увидишь отца живым, для матери твой приезд станет огромным утешением.

— Я думаю, Росер сейчас с ними.

— Да.

— Передавай ей привет. Скажи, что ее письма всегда со мной, и пусть она простит меня, что я не отвечаю ей сразу же.

— Мы ждем тебя, Гильем. Береги себя.

Они попрощались, и Виктор почувствовал комок в горле, он молился, чтобы отец не умер сейчас, чтобы брат вернулся домой целым и невредимым и чтобы война окончилась победой Республики.